

1987. 176 с.

6. Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л. : Советский писатель, 1985. 456 с.
7. Фридендер Г. М. Примечания // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. V : Преступление и наказание. Л., 1989. С. 523–555.
8. Храпченко М. Б. Примечания // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. IX : Анна Каренина. Части пятая – восьмая. М., 1982. С. 417–449.

А. А. Накарякова

Научный руководитель: Ю. В. Матвеева,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)

ОБРАЗЫ НЕМЦЕВ В «РУССКОЙ ПРОЗЕ» ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Говоря о Владимире Набокове – писателе младшего поколения первой волны эмиграции – невозможно обойти вниманием вопрос о национальной идентификации. Для младоэмигрантов, которым по воле судьбы пришлось влиться в чужую культуру, этот вопрос является принципиальным. Ю. В. Матвеева в своей работе «Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов» пишет о писателях «незамеченного поколения»: «Они были абсолютными, чистыми иностранцами всюду. <...> Для многих из них вопрос о национальной самоидентификации оставался открытым до конца жизни. Собственную “иноприродность” молодые писатели переживали болезненно» [1, с. 75].

Разумеется, мышление Набокова не настолько подчинено стереотипам, чтобы писатель мог заключать своих героев лишь в рамки определенного менталитета и делить персонажей только по принципу национальности. В романе «Отчаяние» мы можем обнаружить некоторую иронию по поводу привычки героини смотреть на мир сквозь призму этих стереотипов. «Она ненавидит Ллойд-Джорджа, из-за него, дескать, погибла Россия, – и вообще: “Я бы этих англичан своими руками передушила”. Немцам попадает за plombированный поезд (большевичный консерв, импорт Ленина). Французам: “Мне, знаешь, рассказывал Ардалион, что они держались по-хамски во время эвакуации”» [4, с. 346].

Тем не менее, сам Набоков нередко подчеркивает национальную составляющую образа, выделяет специфические черты именно национального менталитета своих героев.

Если говорить о произведениях «русского периода», наиболее ярко и полноценно в них вырисовывается образ немца. Трудно не заметить, что портрет немецкой нации является отнюдь не лестным. Практически все ее представители, появляющиеся на страницах набоковских произведений, отличаются приземленностью, меркантильностью, ограниченностью, ду-

ховной близорукостью. Многие эпизодические образы можно даже назвать устрашающими, почти чудовищными.

Крайне несимпатично выглядят три немца с откровенно типичными для представителей их нации именами – Курт, Карл и Гюнтер, – появляющиеся на страницах романа «Защита Лужина». Все трое возвращаются с празднования годовщины окончания школы в состоянии весьма сильного опьянения, точнее, в состоянии, которое ближе к скотскому, чем к человеческому: «Гюнтер, крупный и крепкий, выпил больше товарища: тот, по имени Курт, поддерживал спутника, как мог, хотя пиво громовым дактилем звучало в голове» [3, с. 83]. Вызывают ужас и отвращение немцы – спутники Василия Ивановича, героя рассказа «Облако, озеро, башня», представленные как единая безликая и беспощадная масса: «Обеих девиц звали Гретами, рыжая вдова была чем-то похожа на самого петуха-предводителя; Шрам, Шульц и Другой Шульц, почтовый чиновник и его жена, все они сливались постепенно, срастаясь, образуя одно сборное, мягкое, многорукое существо, от которого некуда было деваться. Оно налезало на него со всех сторон» [5, с. 423]; «Как только сели в вагон и поезд двинулся, его начали избивать, – били долго и довольно изощренно. Придумали, между прочим, буравить ему штопором ладонь, потом ступню. Было превесело» [5, с. 426].

Карикатурны служащие конторы, в которой работает Зина Мерц («Дар»): Траум, Баум и Кэзебир (фамилии переводятся, соответственно, как «мечта», «дерево» и «сыр»). Траум отличается «страстной и вполне разделенной» [4, с. 196] любовью к самому себе, «гладчайшей наглостью в преследовании выгодных целей» [4, с. 197]. О Бауме мы узнаем только то, что он «дивно одевается», а о Кэзебуре – то, что он «подобостратно благоговел перед состоятельными клиентами» [4, с. 196].

Промелькнет на страницах романа «Машенька» кухарка Эрика, «огромная рыжая бабища» [2, с. 8] с «рыжими ручищами» и «толстыми пальцами». Подчеркнутая физическая мощь характерна для многих женщин-немок, изображенных Набоковым. К примеру, «крупная, хищная немка» Клара Стобой из романа «Дар»; Анна, героиня рассказа «Королек», «дебелая, полные руки, широкая переносица в веснушках, свинцовая тень под глазами, раздвинутые зубы, из которых один к тому же выбит» [5, с. 330], или сослуживица Зины Мерц, «замужняя, сдобная блондинка, с отражением собственной квартиры вместо души» [4, с. 196]. Здесь избыток телесной массы словно компенсирует недостаток (точнее, почти полное отсутствие) души и внутреннего мира.

Квинтэссенцией всего отвратительного в немецкой натуре можно назвать, к примеру, утрированные образы двух братьев – Густава и Антона – из уже упомянутого рассказа «Королек». «Огромные, победоносно пахнущие потом и пивом, с бессмысленными говяжьими голосами, с от-

хожим местом взамен мозга» [5, с. 334]. Разумеется, не все представители немецкой нации столь откровенно отвратительны. Но «свинский немецкий дух» в той или иной степени проявляется в каждом из них.

Обратим внимание на то, каким образом изображены немцы в романе «Дар». Годунов-Чердынцев, вынужденный жить среди немцев, испытывает по отношению к своим новым соотечественникам отнюдь не самые светлые чувства: «В нем росла смутная, скверная, тяжелая ненависть ... к ногам, бокам, затылкам туземных пассажиров. Он рассудком знал, что среди них могут быть и настоящие, вполне человеческие особи, с бескорыстными страстями, чистыми печальями, даже с воспоминаниями, просвечивающими сквозь жизнь, – но почему-то ему сдавалось, что все эти скользкие холодные зрачки, посматривающие на него так, словно он провозил незаконное сокровище, принадлежат лишь гнусным кумушкам и гнилым торгашам» [4, с. 73].

Или, например, портрет одного из учеников Годунова-Чердынцева, русского по национальности, но впитавшего черты немецкой ментальности: «Бледный юноша в роговых очках... Он был самодоволен, рассудителен, туп и по-немецки невежественен, то есть относился ко всему, чего не знал, скептически. Твердо считая, что смешная сторона вещей давным-давно разработана там, где ей и полагается быть – на последней странице берлинского иллюстрированного еженедельника, – он никогда не смеялся – разве только снисходительно хмыкал. Единственное, что еще маломальски могло его развеселить, это рассказ о какой-нибудь остроумной денежной операции. Вся философия жизни сократилась у него до простейшего положения: бедный несчастлив, богатый счастлив» [4, с. 144]. Поразительно то, насколько типичен и «живуч» этот стереотипизированный образ немца в «русской» прозе Владимира Набокова. Достаточно взглянуть, например, на Франца («Король, дама, валет»), и мы увидим того же невежественного молодого человека, все интересы которого так или иначе связаны с денежным вопросом.

Это отношение к уроженцам Германии, откровенно негативное, находит отражение практически во всех «немецких» образах, созданных Набоковым. Среди персонажей-немцев в «русских» романах мы не найдем практически ни одного положительного образа. В действительности писатель во многом находился во власти стереотипов. Интересно то, что Набоков описывает этот субъективный, предвзятый взгляд, даря его своему alter-ego, Годунову-Чердынцеву: «Он мгновенно сосредоточил на нем всю свою грешную ненависть (к жалкой, бедной, вымирающей нации) и отчетливо знал, за что ненавидит его: за этот низкий лоб, за эти бледные глаза; за фольмильх и экстраштарк, – подразумевающие законное существование разбавленного и поддельного; за полишинелевый строй движений, – угрозу пальцем детям – не как у нас стойком стоящее напоминание

о небесном Суде, а символ колеблющейся палки, – палец, а не перст; за любовь к частоколу, ряду, заурядности; за культ конторы; за... Так он нанизывал пункты пристрастного обвинения, глядя на сидящего против него, – покуда тот не вынул из кармана номер васильевской “Газеты”, равнодушно кашлянув с русской интонацией. “Вот это славно”, – подумал Федор Константинович, едва не улыбнувшись от восхищения. Как умна, изящно лукава и в сущности добра жизнь!» [4, с. 74]. Писатель словно иронизирует по поводу собственного отношения к немцам, но отказаться от этого взгляда на жителей Германии не в силах.

Тем не менее, Набоков не мог при создании целого ряда образов исходить исключительно из стереотипов. На страницах романов мы встречаем и остроумного, наблюдательного Драйера, и честного Кречмара, и добрейшего Макса, и безжалостного Горна, и ограниченного Франца. В этом плане так называемые «немецкие романы» («Король, дама, валет», «Камера обскура») особняком стоят в творчестве Набокова. Многие исследователи сходятся во мнении, что писатель, создавая эти произведения, руководствовался прежде всего коммерческими интересами. Это мнение достаточно спорно, однако нельзя не отметить, что в «немецких» романах манера повествования несколько необычна. В частности, меняется точка зрения: мы видим быт и поведение немцев не с позиции русского эмигранта, иностранца, а словно изнутри. Меняется, соответственно, и способ изображения жителя Германии. Персонажи здесь – не ходячие карикатуры, не гротескные носители «свинского духа», а герои, наделенные внутренним миром, непростой психологией. Курт Драйер, например, персонаж почти положительный, «потенциальный художник», о чем мы писали выше, и это подчеркивается даже на уровне незначительных деталей: «Он был в просторном пальто, ... из-под мышки торчала ракета в чехле, как музыкальный инструмент, в руке он нес чемоданчик» [2, с. 135]. Он наделен зоркостью, вниманием: «Драйер, по-своему наблюдательный и до пустых наблюдений охочий» [2, с. 135] – знаковое слово здесь «по-своему». Кроме того, Драйер явно стремится к чему-то большему, нежели то, что в его окружении принято называть словом «счастье»: «Драйер втайне сознавал, что коммерсант он случайный, ненастоящий, и что в сущности говоря, он в торговых делах ищет то же самое, – то летучее, обольстительное, разноцветное нечто, что мог бы он найти во всякой отрасли жизни. Часто ему рисовалась жизнь, полная приключений и путешествий» [4, с. 143].

Разумеется, внутренний мир подобных персонажей не может ограничиться лишь клишированными свойствами немецкой ментальности, они непохожи друг на друга, они психологичны, представляют собой не столько типы, сколько характеры. Но невозможно не обратить внимание на тот факт, что практически во всех героях-немцах, даже в детально про-

писанных, прослеживаются некоторые сходные черты. Их объединяет не столько приземленность, ограниченность интересов, сколько неспособность увидеть за прозой жизни нечто большее, духовная слепота, почти полное отсутствие одаренности, желание скорее потреблять, чем создавать. И даже если потребность творить все же возникает, герои не в состоянии ее реализовать. Так, Драйер, казалось бы, непрерывно наблюдающий за окружающей его жизнью, не видит того, что происходит рядом, касается самых близких людей: жены и племянника. А его стремление к «обольстительному нечто», к творческому эксперименту воплощается лишь в умении артистично продавать галстуки и в создании манекенов, механических кукол, лишенных души.

Е. А. Полева в статье «Национальная самоидентификация героя в романе В. Набокова “Отчаяние”» говорит о тех качествах, которые присущи немцам, изображенным в произведениях прозаика: «В портрете центрального героя “Отчаяния” Германа устойчиво обнаруживаются черты, присущие немцам-буржуа – героям других романов Набокова (“Король, Дама, Валет”, “Камера обскура”). В первую очередь это самоуверенность, убежденность в своей значимости, герой – полноправный член общества потребления, полагающий, что окружающая реальность создана для него (это право Герман доводит до крайности, используя для своих нужд человеческую жизнь). В центре модели мира Германа – он сам, ему нет равных, он исключение» [6, с. 31]. Для Германа, который является наполовину русским, наполовину немцем, вопрос национального самоопределения действительно оказывается принципиальным. И через призму этих попыток самоидентификации мы можем понять, что именно Герман считает типично немецким, в чем проявляется его «немецкая» часть личности.

«Герман идентифицирует себя с немцами. Он гордится своим лицом и европейским внешним видом (одеждой, аксессуарами буржуа), оценивает как достоинства черты немецкой ментальности, проявляющиеся в обустройстве быта. Герман замечает бережливость, прагматизм в бытовых ритуалах немецкой культуры: Орловиус мешал чай “немецким способом, то есть не ложкой, а ... движением кисти, чтобы не пропал осевший на дно сахар”. Он гордо противопоставляет свою любовь к порядку, аккуратность, добротность жизни и характера (присущие немцам) бытовому поведению и иррационализму жены Лиды, русской по национальности. Он не ставит под сомнение приоритет немецкой национальной ментальности (организованной, логичной, последовательной, цивилизованной) над русской, но пренебрежительно относится к немцам (в его повести это эпизодические, бессловесные персонажи, немцы не составляют близкий круг общения Германа): “маленький, унылый, белобрысый” лакей, “старый бисмарк в халате”. Употребление имени известного объединителя Германии в нарицательном значении свидетельствует и о непочтительном от-

ношении Германа к своей второй родине» [6, с. 32].

Многих немецких исследователей интересует вопрос сложных отношений Набокова с Германией и немцами. Они посвящают статьи и монографии попыткам понять, в чем причина столь сильной неприязни писателя к стране, в которой он провел пятнадцать лет своей жизни, и к гражданам этой страны. Об этом пишут такие исследователи, как Дитер Циммер, Томас Урбан. Оба литературоведа сосредоточены, прежде всего, на роли Берлина в жизни Набокова, на тех событиях в судьбе прозаика, которые связаны с «мачехой русских городов», на деталях «немецкой» биографии писателя.

Если же попытаться оставить без внимания бытовую сторону отношений Набокова с Берлином, можно сосредоточиться на эстетических взглядах прозаика и отметить тот широко известный факт, что для писателя всегда была неприемлема пошлость в любых ее проявлениях. Германия же (и это отмечают многие исследователи) представлялась Владимиру Набокову родиной пошлости, страной, в которой печать этой пошлости лежит даже на произведениях национального гения, Иоганна Вольфганга Гете, не говоря уже о культуре этой страны и повседневном поведении ее жителей. Безусловно, национальный компонент не исчерпывается типовыми качествами персонажей, он гораздо шире и разнообразнее. И отношения писателя с Германией гораздо сложнее, неоднозначнее, чем представляется на первый взгляд. Но те герои, которые оказываются в фокусе нашего интереса, – персонажи с типовыми национальными чертами – подтверждают вывод об откровенной неприязни Набокова к родине Шиллера и Гете и жителям этой страны.

Список литературы

1. *Матвеева Ю. В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2008. 180 с.
2. *Набоков В. В.* Собр соч. : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 1. 416 с.
3. Там же. Т. 2. 449 с.
4. Там же. Т. 3. 480 с.
5. Там же. Т. 4. 480 с.
6. *Полева Е.А.* Национальная самоидентификация героя в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2009. № 4.